

Е.Ю. Фаркова

Штольц

Штольц Андрей Иванович — центральный персонаж романа И.А. Гончарова «Обломов», друг детства Обломова. Его отец, Иван Богданович Штольц, еще в юности приехал в Россию из Саксонии. Он успешно служил управляющим имением в Верхлеве, селе, когда-то принадлежавшем Обломовым. Иван Богданович много знал и умел. Практической агрономии он учился у своего отца-фермера, на родине предков, «в ближайшем университете» получил «призвание к преподаванию того, что кое-как успели ему растолковать сорок мудрецов». Получив образование, он решил «делать дело». Отец «дал ему сто талеров, новую котомку и отпустил на все четыре стороны». С тех пор он не был на родине и никогда не видел отца. Шесть лет странствовал Штольц-старший по Европе, посетил Швейцарию, Австрию; потом приехал в Россию, где жил долгие годы, благословля судьбу. Жена его происходила из бедных русских дворян. До замужества она служила гувернанткой в богатом доме, поэтому «имела случай быть за границей, проехала всю Германию».

Андрей Штольц родился и вырос в Верхлеве. Вместе с деревенскими мальчишками он бегал и играл, разорял птичьи гнезда, дрался. Домой его часто приводили в разорванном платье, без сапог или с разбитым носом. Как всякий мальчишка, он стремился вырваться из-под родительского присмотра и часто убегал из дому, пропадая надолго. Мать бы «держала его возле себя», но отец запретил мешать сыну познавать жизнь.

Воспитанием и образованием Штольца занимались оба родителя. От матери он наследует язык и веру. Его природная речь — русская, исповедуемая вера — православие. Русскую речь Штольц познавал «у матери и из книг, в университетской аудитории и в играх с деревенскими мальчишками, в толках с их отцами и на московских базарах».

С восьми лет мальчик начал учиться дома. С отцом он сидел «за географической картой, разбирал по складам Гердера, Виланда, библейские стихи и подводил итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных, а с матерью читал Священную историю, учил басни Крылова и разбирал по складам «Телемака».

В воспитании сына Иван Богданович ориентировался на фамильные традиции: «...взял колею от своего деда и продолжил ее, как по линейке, до будущего своего внука». Педантично давал он сыну «трудовое, практическое воспитание». Когда Андрей подрос, отец посадил его на рессорную тележку, и мальчик возил отца на фабрику, в поля, к купцам, в присутственные места. Как в свое время Ивана Богдановича учил агрономии его отец-фермер, так и он учил практическому делу Андрея. Он объяснял сыну, какая глина на что годится, «как добывают поташ или деготь, топят сало».

В 14–15 лет, выполняя поручения отца, Штольц один отправлялся в город, «в тележке или верхом, с сумкой у седла». Поручения он всегда выполнял точно, правильно; «отец, выслушав отчет и трепля его широкой ладонью по плечу, давал два, три рубля, смотря по важности поручения». Отец назначил Андрея репетитором в пансионе и положил жалованье, как мастерскому, «совершенно по-немецки: по десяти рублей в месяц и заставлял его расписываться в книге». Матери не нравилось трудовое практическое воспитание, которое давал подростку отец. Она ненавидела «все грубые атрибуты трудовой жизни» и не хотела, чтобы ее сын был похож на «всех этих бюргеров, с угловатыми манерами, с большими, грубыми руками, с мещанской свежестью в лице и с грубой речью». Мать не видела в немецком характере «никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того, что делает жизнь так приятною в хорошем свете, с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу». Ей не

правилась и педантичность немцев, их «скучная правильность жизни». Она стремилась дать сыну истинное дворянское воспитание, подготовить к светской жизни: «в сыне ей мерещился идеал барина, хотя выскочки, из черного тела, от отца-бюргера, но все-таки сына русской дворянки». Однако страх и опасения матери, что ее сын вырастет злым, грубым, педантичным, трудолюбивым, как отец, оказались напрасными.

Определенный отпечаток на характер Штольца оказало то обстоятельство, что вблизи Верхлева находилась Обломовка, где царит вечный праздник, и обломовцы «сбивают с плеч работу, как иго; там барин не встает с зарей и не ходит по фабрикам около намазанных салом и маслом колес и пружин». А в самом Верхлеве «стоит, хотя большую часть года пустой, запертой дом», в котором «шаловливый мальчик» видит темные портреты на стенах длинных зал и галерей. С портретов на него смотрят люди с томными голубыми глазами, волосами под пудрой, белыми изнеженными лицами, полными грудями, нежными с синими жилками руками в трепещущих манжетах. Мальчик видел «ряд благородно-бесполезно в неге протекших поколений, в парче, бархате и кружевах». Эта «повесть» о старине так не похожа на ту, о которой ему рассказывал отец: «о жизни в Саксонии, между брюквой и картофелем, между рынком и огородом».

«Утешься, добрая мать, – восклицает автор, – твой сын вырос на русской почве — не в будничной толпе, с бюргеровскими коровьими рогами, с руками, ворочающими жернова». Так в душе Штольца соединились с немецкими элементами Обломовка и княжеский замок — «с широким раздольем барской жизни». И из него не вышло «ни доброго бурша, ни филистера». Хорошо усвоив уроки отца, быт обломовского дома и княжеского замка, Штолец научился удобно и практично устраиваться в жизни.

Иван Богданович отправил сына в университет, считая: если сам учился в университете, то и «сын его должен быть также там — нужды нет, что это будет не немецкий университет, нужды нет, что университет русский должен будет произвести переворот в жизни его сына и далеко отвести от той колеи, которую мысленно проложил отец в жизни сына».

После университета Штолец месяца три прожил дома, и отец отправил его в Петербург. Иван Богданович сказал, что Андрею в Верхлеве делать «больше нечего, что вон уж даже Обломова отправили в Петербург, что, следовательно, и ему пора». Он помнил, что когда «сам кончил курс ученья, то отец отослал его от себя». Поэтому отослал от себя и «сына — таков обычай в Германии». Штолец-старший точно так же, как и его отец, дал своему сыну в день отъезда сто рублей ассигнациями, пожаловал лошадь, чтобы за нее выручить деньги, и наказал не рассчитывать на капитал отца прежде смерти. Иван Богданович считал, что выполнил свой долг, дав сыну образование. «Образован ты хорошо: перед тобой все карьеры открыты; можешь служить, торговать, хоть сочинять, пожалуй, — не знаю, что ты изберешь, к чему чувствуешь больше охоты». Сын отвечает отцу: «Да я посмотрю, нельзя ли вдруг по всем».

В сцене прощания отца с сыном Штолец представлен выходящим на широкую дорогу, «какая не снилась ни деду его, ни отцу, ни ему самому». Он не соглашается использовать протекцию, которую ему предлагает отец. «Не надо, не говори, – возразил Андрей, – я пойду к нему, когда у меня будет четырехэтажный дом, а теперь обойдусь без него».

При прощании отец не проронил ни слезинки, и, казалось, сын тоже спокоен и тверд. Еще чуть-чуть, и он умчится, навсегда покидая родительский дом. Какая-то женщина громко заплакала: «Батюшка ты, светик! Сиротка бедный! Нет у тебя родимой матушки, некому благословить-то тебя... Дай хоть я перекрещу тебя, красавец мой!» И, плача, Штолец принимает благословение незнакомой женщины, в ее горячих словах ему слышится голос матери, на минуту возникает ее нежный образ.

Он уезжает из родительского дома с двумя сумками у седла. В одной лежат «вещи, купленные и взятые по настоянию отца»: клеенчатый плащ, толстые, подбитые гвоздями

сапоги, рубашки из верхлевского полотна; в другой — «заказанные в Москве, в память наставлений матери» «изящный фрак тонкого сукна, мохнатое пальто, дюжина тонких рубашек и ботинки».

Уехав из родительского дома, Штольц добивается всего, о чем мечтал. Он побывал за границей, «смирно сидел на студенческих скамьях в Бонне, в Иене, в Эрлангене», узнал Европу, «как свое имение», «видел Россию вдоль и поперек». Он сделал карьеру, «служил, вышел в отставку, занялся своими делами и в самом деле нажил дом и деньги». Штольц не занят созидательной деятельностью, как его дед и отец. Он «участвует в какой-то компании, отправляющей товары за границу». Штольц «беспреданно в движении: понадобится обществу послать в Бельгию или Англию агента — посылают его; нужно написать какой-нибудь проект или приспособить новую идею к делу — выбирают его». Штольц успевает везде: и справляться с множеством дел, и ездить в свет, и читать — «когда он успевает — Бог весть».

Труд становится целью и смыслом жизни Штольца. Об этом он так говорит Обломову: «Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей». Уверенно утверждает он, что никогда не перестанет трудиться. В споре с другом Штольц отвергает «деревенскую обломовщину» — «обеспечить себя навсегда и удалиться потом на покой». Но, преуспевая в столичном свете, Штольц не избирает и путь «петербургской обломовщины» — «достигнуть службой значения и положения в обществе и потом в почетном бездействии наслаждаться заслуженным отдыхом».

Портрет Штольца подчеркивает его динамичность. «Он весь составлен из костей, мускулов и нервов, как кровная английская лошадь. Он худошав; щек у него почти вовсе нет, то есть есть кость да мускул, но ни признака жирной округлости; цвет лица ровный, смугловатый и никакого румянца; глаза хотя немного зеленоватые, но выразительные». У него нет лишних движений: «Если он сидел, то сидел покойно, если же действовал, то употреблял столько мимики, сколько было нужно». Стремление к равновесию является главным во внешности героя, его характере и судьбе. Он «жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца».

И в нравственной жизни Штольц также «искал равновесия практических сторон с тонкими потребностями духа». Он умел владеть своим сердцем, «и среди увлечения чувствовал землю под ногой и довольно силы в себе, чтоб в случае крайности рвануться и быть свободным». Он управлял своими печалью и радостью, стремился воспринимать жизнь простым, то есть прямым, настоящим взглядом. Штольц понимает трудности именно такого восприятия жизни и поэтому «был внутренне горд и счастлив всякий раз, когда ему случалось заметить кривизну на своем пути и сделать прямой шаг». Штольц никогда не жил в мире воображения и мечты, в его душе не было места загадочному, таинственному, он все стремился подвергнуть анализу опыта и практической истины. Во всем, даже у порога тайны, он «ожидал появления закона, а с ним и ключа к ней».

Штольц выделяется в светском обществе, не поклоняясь никому и ничему. Он сохранил в себе такие редкие и дорогие качества, как силу души, крепость тела, гордость («он был целомудренно-горд»), свежесть и силу. Штольц «знал цену этим редким и дорогим свойствам и так скупно тратил их, что его звали эгоистом, бесчувственным».

Он сформировал свой идеал бытия и стремлений человека и упрямо отстаивал его. Штольц не устает повторять, что «нормальное назначение человека — прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков и донести сосуд жизни до последнего дня, не пролив ни одной капли напрасно, и что ровное и медленное горение лучше бурных пожаров, какая бы поэзия ни пылала в них». Именно так осознав назначение человека, он стремится сам исполнить его, хотя и не надеется достичь полного успеха, «потому что это очень трудно».

И все же он «шел да шел упрямо по избранной дороге», «шел к своей цели, отважно шагая через все преграды». Однако, будучи уравновешенным и расчетливым человеком, Штольц «отказывался от задачи, когда на пути его возникала стена или отверзалась непроходимая бездна». Измерив их и не найдя средств преодоления, он отходил, «что бы там про него ни говорили».

Выше всего в людях Штольц ценил настойчивость в достижении целей, которая в его глазах была признаком характера. Сам обладая настойчивостью в высшей степени и уважая настойчивых людей, «как бы ни были неважны их цели», он любит и ценит Обломова, не умеющего добиваться исполнения задуманного.

Штольц и Обломов — герои-антиподы. Каждая черта, каждый шаг — все существование Обломова противоположно Штольцу. Они различны во всем: в происхождении, воспитании, внешности, поведении, судьбе. Между тем, по всей вероятности, по закону сходства противоположностей, их связывала долгая и верная дружба. В ней проявлялись лучшие качества каждого. Уравновешенность, целеустремленность, расчетливость Штольца растворялись в преданном и нежном отношении к Обломову. Помимо этого их связывали две сильные нити — детство и школа. Штольц помнил и ценил «русские, добрые, жирные ласки, обильно расточаемые в семействе Обломова на немецкого мальчика».

Штольц хотя и лидировал в дружбе, играя роль сильного «и в физическом и в нравственном отношении», но между ними не возникало конфликтов, поскольку «в основании натуры Обломова лежало чистое, светлое и доброе начало, исполненное глубокой симпатии ко всему, что хорошо и что только отверзалось и откликалось на зов этого простого, нехитрого, вечно доверчивого сердца». В общении с Обломовым Штольц «всегда испытывал то успокоительное чувство, какое испытывает человек, приходя из великолепных зал под собственный скромный кров или возвратясь от красот южной природы в березовую рощу, где гулял еще ребенком».

Штольц, энергичный и бодрый, появляется у Обломова и наполняет его квартиру жизнью, радостью, шумом и суетой. Встретившись с другом, Штольц бурно выражает свои эмоции: звонко хохочет, покатывается со смеху. Он, пожалуй, единственный, кто интересуется здоровьем и делами друга, стремится помочь ему. Именно Штольц пытается спасти друга из плена обломовщины. Он действует отважно и настойчиво. Штольц обещает, что через неделю Обломов не узнает себя, и действительно, тот «из совершенного уединения вдруг очутился в толпе людей». Илья Ильич «протестовал, жаловался, спорил, но был увлекаем и сопутствовал другу своему всюду».

Характер Штольца, одушевленный пафосом искренней и верной дружбы, окрашен в романтический тон. В дружбе Штольц нежен, предан, самоотвержен. Он всю жизнь верен идеалам юности, хранит юношеский перевод Ильи с посвящением ему в именины. Он помнит восклицания и клятвы молодого Обломова («И сколько великолепных фейерверков выпускал ты из головы!»). Штольц сохраняет преданность другу на долгие годы, не только обещает, но и помогает Обломову изменить его жизнь. Именно Штольц совершает невероятное: заставляет Обломова подняться с дивана и появиться в свете после многолетнего отсутствия. Штольц пишет Обломову письма из-за границы, полные упреков в апатии и неподвижности, приглашает его приехать «непременно в Швейцарию», куда собирается сам, «и, наконец, в Италию». Он хорошо знает Обломова и понимает, что за границу ему собраться невероятно трудно, поэтому предлагает другу, если тот не поедет за границу, ехать в деревню («поверить свои дела, встряхнуть запущенную жизнь мужиков, поверить и определить свой доход и при себе распорядиться постройкой нового дома»).

Встретившись с Обломовым через два года, когда он уже и не будет помышлять о переменах в собственной судьбе, Штольц вынужден признаться в своем бессилии: «Уж с надеждами на будущность — кончено: если Ольга, этот ангел, не унес тебя на сво-

их крыльях из твоего болота, так я ничего не сделаю». И все же он предлагает Илье Ильичу «избрать себе маленький круг деятельности, устроить дереvушку, возиться с мужиками, входить в их дела, строить, садить». Штольц старается внушить Обломову уверенность в своих силах: «Все это ты должен и можешь делать».

Верность Штольца идеалам юности проявляется в том, что он спасает друга от нищеты: разоблачает мошенничество Тарантьева и Мухоярова, оформляет доверенность на свое имя и берет Обломовку в аренду до тех пор, «пока Обломов приедет в деревню и привыкнет к хозяйству». Энергичный и деятельный Штольц привел в порядок имение друга, много изменил в Обломовке: построил мост, возвел дом под крышу, назначил нового управляющего.

В романе Обломова и Ольги Штольц играет несвойственную его характеру роль посредника. Он знакомит Обломова с Ильинской, к которой, как сам признается, питает слабость, надеясь, что «присутствие молодой, симпатичной, умной, живой и отчасти насмешливой женщины» отвлечет Обломова от сонной жизни. Накануне своего отъезда за границу Штольц наказывает Ольге, чтобы «она не давала дремать Обломову», «запрещала спать, мучила бы его, тиранила, давала ему разные поручения».

В то же время Штольц невольно чувствует в Обломове соперника. Этим оправдывается та бестактность, которую Штольц допускает, желая не только высмеять, но, быть может, встряхнуть и оживить Обломова. Необычность любовного конфликта в романе состоит в том, что Штольц всегда стоит между Ольгой и Обломовым, но не как соперник, а как искренний и мудрый друг обоих. Ольга и Обломов часто говорят о Штольце, ссылаются на его авторитет, признаются в своих симпатиях к нему.

Штольц смотрит на любовь и женитьбу нетрадиционно, «может быть, оригинально, преувеличенно». Изучив сердце, его мудреные законы — «отражение красоты на воображение, потом переход впечатления в чувство, его симптомы, игру, исход» — и «глядя вокруг себя, подвигаясь в жизнь, он выработал в себе убеждение, что любовь, с силою Архимедова рычага, движет миром»; в любви «столько всеобщей, неопровержимой истины и блага, сколько лжи и безобразия в ее непонимании и злоупотреблении».

Штольц в любви и женитьбе «пошел свободным и, как казалось ему, простым путем». Он отошел от прямой колеи, начертанной отцом. Свои невидимые узоры рисовала в его судьбе русская жизнь («мать, своими песнями и нежным шепотом, потом княжеский разнохарактерный дом, далее университет, книги и свет»). Против его воли в памяти Штольца жил образ любви — «образ такой простой, но светлый, чистый». В Ольге увидел он задатки своей мечты: «не только роскошь расцветшей красоты, но и силу, готовую на жизнь и жаждущую разума и борьбы с жизнью».

В любви и женитьбе Штольц прошел «трудную школу наблюдения, терпения, труда». В петербургский период знакомства Штольц любовался Ольгой «бескорыстно, как чудесным созданием, с благоухающею свежестью ума и чувств». Она в его глазах была прелестным, подающим большие надежды ребенком. Штольца привлекали ее естественность и простота.

Увидев в Париже Ольгу переменившейся, он изумился: «Как она созрела, Боже мой! как развилась эта девочка!» Штольц стремится разгадать Ольгу, пускаясь в лабиринты ее ума и характера. Он становится «ежедневным и единственным... собеседником и путеводителем» Ильинских в Париже. Жизнь Штольца, его деятельность наполнились жизнью и деятельностью Ольги. «Мало-помалу, незаметно, он привык при ней вслух думать, чувствовать и вдруг однажды, строго поверив себя, узнал, что он начал жить не один, а вдвоем и что живет этой жизнью со дня приезда Ольги».

Полюбив Ольгу, Штольц решил, что отныне без нее «ему жить нельзя». И «он начал решать вопрос о том, может ли жить без него Ольга». Пытаясь понять, любит ли она его, Штольц проявляет несдержанность, нетерпеливость («...не раз с досадой бросал книгу или

прерывал какое-нибудь объяснение, вскакивал и уходил, потом, усовестившись, возвращался и что-нибудь выдумывал в свое оправдание»).

Как и Обломов, Штольц не желал порывистой страсти. Ему хотелось, чтобы «чувство потекло по ровной колее, вскипев сначала горячо у источника, чтоб черпнуть и упиться в нем и потом всю жизнь знать, откуда бьет этот ключ счастья». Штольц терзался в муках и пытках любви, терял уверенность в своих силах, чувствуя, что «и его здоровый организм не устоит, если продлятся еще месяцы этого напряжения ума, воли, нерв». После объяснения с Ольгой Штольц торжествует — его усилия не пропали даром: «Столько лет жажды чувства, терпения, экономии сил души!»

Семейное счастье заслонило всю деловую жизнь Штольца. Забылись «контора, тележка отца, замшевые перчатки, замасленные счеты», помнились «только благоухающая комната его матери, варьяции Герца, княжеская галерея, голубые глаза, каштановые волосы под пудрой». Ольга и Штольц поселяются на южном берегу Крыма и обитают в скромном, небольшом доме, в котором все отмечено счастливым часом для обоих, памятной минутой мелочей, «в океане книг и нот веяло теплой жизнью». В доме «присутствовала или недремлющая мысль, или сияла красота человеческого дела, как кругом сияла вечная красота природы».

Ольга и Штольц счастливы в семейной жизни («все была у них гармония и тишина»). Они жили «как все, как мечтал и Обломов», но это не было растительным существованием, «без скуки и без апатии проводили они дни; не было вялого взгляда, слова; разговор не кончался у них, бывал часто жарок». Они глядели на мир одними глазами и ощущали его одной душой, без слов понимали друг друга, «думали, чувствовали, говорили вдвоем». В их семейной жизни «цвела неувядаемая весна».